

Кушнерук С. П. Федеральный закон России о государственном языке как объект документно-лингвистического анализа (часть I) / С. П. Кушнерук // Научный диалог. – 2012. – № 12 : Филология. – С. 111–123.

УДК 811.161.1'06:81'244+81'276.6:34

Федеральный закон России о государственном языке как объект документно-лингвистического анализа (часть I)

С. П. Кушнерук

Рассматриваются лингво-документные качества текста федерального закона, регулирующего принципы определения и применения государственного языка России. Даны оценки содержательным и формальным параметрам документного текста. Выявлены спорные содержательные положения и варианты формулирования статей.

Ключевые слова: текст законодательного документа; государственный язык; качество текста законодательного документа; содержание закона; язык закона.

Создание и введение в действие документов, имеющих статус федеральных законов России, обусловлены сложными и противоречивыми социально-политическими и историческими факторами. Объект законодательного регулирования может различаться как содержанием предметной сферы, ее специфичностью, так и уровнем его непрофессиональной, общественной значимости, социальной резонансности, публичного интереса. Анализ истории и технологии порождения законов, появившихся в России на протяжении последних двадцати лет, показывает, что значительная часть из них представляет собой систему правовых «огнетушителей», с той или иной скоростью монтируемых и включаемых в конфликтные контексты

в качестве правовых нейтрализаторов процессов и явлений, порождённых несовершенством прогнозирования и социального управления.

Одним из таких законов является закон Российской Федерации «О государственном языке Российской Федерации» [Федеральный закон...].

Оставив в стороне явную стилистическую уязвимость преамбулы закона, рассмотрим его лингво-документные и логико-смысловые особенности как в целом, так и постатейно. (Здесь автор преодолел искушение закавычить наречную единицу «постатейно» со сложными признаками канцелярско-разговорной окраски; сомнения развеяло включение самой единицы в созданный еще к середине прошедшего века семнадцатитомный словарь современного русского литературного языка Академии наук СССР [ССРЛЯ, т. 10, с. 1537], а деривата – в современные издания распространенных словарей, например в [ТСРЯ, с. 570]).

Текст статьи 1 – «Русский язык как государственный язык Российской Федерации» – содержит семь пунктов-фрагментов с исходными декларациями, содержательная доминанта которых выражена ключевым термином *государственный язык*.

Внелингвистический, организационно-правовой по своему содержанию первый пункт закона: «В соответствии с Конституцией Российской Федерации государственным языком Российской Федерации на всей ее территории является русский язык», – вряд ли дает основания для документно-лингвистического обсуждения. Однако уже второй пункт с позиции сегодняшнего понимания реального состояния регулируемого объекта и с точки зрения функциональных качеств закона как документа порождает серьезные возражения:

Статус русского языка как государственного языка Российской Федерации предусматривает обязательность использования русского языка в сферах, определенных настоящим Федеральным законом, другими

федеральными законами, Законом Российской Федерации от 25 октября 1991 года № 1807-І «О языках народов Российской Федерации» и иными нормативными правовыми актами Российской Федерации, его защиту и поддержку, а также обеспечение права граждан Российской Федерации на пользование государственным языком Российской Федерации.

Ссылка на текст закон России № 1807-І от 25 октября 1991 года, заменяющая дефиницию основополагающего термина *государственный язык*, выглядит сомнительной экономией документного пространства. Тем более что и текст закона № 1807-І, носящий отпечаток демократической стихии того времени, определения этого термина не содержит. И это понятно в свете паллиативных политических решений, создающих условия для именованя *государственными* языков субъектов единого государства. Один из примеров: Закон «О государственных языках народов Удмуртской Республики. Принят Государственным Советом Удмуртской Республики 27 ноября 2001 года (в ред. Закона УР от 21.06.2010 г. № 26-РЗ).

Стремление разными путями достичь государственной целостности на документном, даже шире, – на коммуникативном уровне, повлекло за собой понятийные лакуны, воспроизводимые в документах самого высокого функционального уровня. В таких текстах реализуются дефектные в своих дефиниционных параметрах термины. Рассчитывать на выработку объективного по своим логико-смысловым параметрам термина в связи с запущенностью процесса и иными внешними обстоятельствами было бы наивно [Кушнерук, с. 138–147]. Прежде всего, широкий круг внешних обстоятельств не позволит в ближайшее время разграничить понятия «государственный язык» и «[государственный] язык субъекта федерации». Некоторые из языков субъектов РФ имеют мультирегиональный характер (например, татарский язык), однако их именование *государственными* в терминологическом смысле – явная логико-содержательная недоработка.

В текстовом фрагменте второго пункта статьи отметим речевое решение, не в полной мере соответствующее нормам документной лингвистики. Речь идет о следующем. Логико-смысловая модель фрагмента, составляющего пункт: [Статус языка предусматривает (что?) – использование (в каких сферах?) – именование сфер; (предусматривает (что?)) – защиту, поддержку (языка)...]. А вот следующий речевой отрезок, продолжающий пункт: «...а также обеспечение права граждан Российской Федерации на пользование государственным языком Российской Федерации», – вызывает ряд вопросов. Либо этот фрагмент тривиален и избыточен, либо чрезмерно лапидарен, либо содержание и форма вторичны, поскольку текст ориентирован на разрешение неких внеязыковых конфликтных ситуаций, составляющей которых является оспаривание в пределах государства использования русского языка в ситуациях, предусмотренных не только системой частных законов, но и Конституцией России. Если имелось в виду последнее, то содержание фрагмента весьма симптоматично для оценки и понимания коммуникативной среды, языковых и национально-политических особенностей устройства страны.

Рассмотрим далее текстовый фрагмент, формирующий пункт 3 статьи 1:

Порядок утверждения норм современного русского литературного языка при его использовании в качестве государственного языка Российской Федерации, правил русской орфографии и пунктуации определяется Правительством Российской Федерации.

На первый взгляд этот фрагмент по общим формальным признакам непротиворечив. Действительно, необходима одна инстанция, которая может освещать научно осмысленные изменения в норме языка и в правилах речи, однако предлагаемый законом субъект вряд ли оптимален с точки зрения решения собственно

лингвистических задач. Документом потерян *обязательный* (квалифицированный, что важнее всего, и ответственный) субъект, который предшествует чиновнику, олицетворяющему конгломерат лиц, названный *Правительством Российской Федерации*, – субъект, обладающий специальными лингвистическими знаниями. Утверждение (и только утверждение!) норм языка, правил орфографии и пунктуации – совершенно формальный итоговый акт, которому предшествует сложная теоретическая и экспериментальная работа специалистов-лингвистов. Естественно, закон не может содержать положений, отражающих этот обязательный этап кодификации языковых норм, но включение в документный текст фрагмента, подчеркивающего объективную необходимость участия лингвистов в процедуре утверждения норм, избавило бы от существующих до сих пор иллюзий бюрократической универсальности, которые служат прочным фундаментом для оправдания чиновных вторжений в ситуации с исключительно лингвистическим содержанием.

Лозунговая окраска текста четвертого пункта первой статьи:

Государственный язык Российской Федерации является языком, способствующим взаимопониманию, укреплению межнациональных связей народов Российской Федерации в едином многонациональном государстве, –

в очередной раз подтверждает актуальность комплексных исследований документных текстов с явными признаками публицистических качественно-количественных признаков. Основания, которыми руководствуется составитель документа, придавая особую окраску текстовому фрагменту законодательного документа, производны от времени создания закона, его политического, социального, экономического фона. Текст четвертого пункта – одновременно выражение надежды и опасений, обусловленных региональными конфликтами, маркер возможной в контексте закона реакции на экс-

тремальные формы получения независимости по принципу «берите, сколько хотите». Формулировка является законодательной «соломкой», которую стелили с учетом направленности закона, имея в виду воплощение объединительных процессов при их реализации на языковом уровне.

В значительной мере лозунговой окраской характеризуется и пункт пятый, лейтмотивом которого является защита и поддержка русского языка как государственного:

Защита и поддержка русского языка как государственного языка Российской Федерации способствуют приумножению и взаимообогащению духовной культуры народов Российской Федерации.

Что означает речевой фрагмент «поддержка русского языка», если иметь в виду его государственный статус? Без конкретизации загадочного в данном случае слова «поддержка» положение становится туманной декларацией. Необходимо поддержать язык или государственные и негосударственные институты, специалистов, занимающихся исследованием языка и его преподаванием в учреждениях различных уровней? Кто должен оказывать государственному языку «поддержку» и в какой форме? В этом положении закон порождает больше вопросов, чем предлагает какие-либо формы или направления действий.

Еще более сложно и с некоторой долей алармизма звучит положение о защите русского языка. Если речь идет о защите языка в пределах России, то декларация предполагает определение «врага», покушающегося на государственный язык. Если эти «враги» – недостаточный уровень образования, реализация таких организационно-педагогических и иных мер, которые и формируют угрозы языку, то не получается ли так, что это положение закона является посланием, в котором адресант и адресат совпадают? Довольно мудро сформулированное положение о выполнении государствен-

ным языком одновременно функций межнационального коммуникативного средства взаимодействия и содействия взаимопроникновению многонациональных культур требовало бы, на наш взгляд, более серьезной проработки и более определенного по форме и содержанию изложения, усиливающего функционально-содержательные параметры документа и его текста [Борискин, с. 41–82].

По меньшей мере, наивность Федерального закона проявляется в тексте пункта 6 статьи 1:

При использовании русского языка как государственного языка Российской Федерации не допускается использование слов и выражений, не соответствующих нормам современного русского литературного языка, за исключением иностранных слов, не имеющих общеупотребительных аналогов в русском языке.

Именно в этом пункте заметны слабость и неэффективность закона, ставшего публицистической декларацией: «... не допускается использование слов и выражений...». Формулировка приведенного фрагмента так и просит задать вопрос в известной стилистике «детсадовского» общения: «А то что?!» По ознакомлении с этим положением федерального закона становится очевидной и его документная несостоятельность с учетом того, что закон имеет статус коммуникативного инструмента. Закон перестает быть законом, если он, вводя запреты, не определяет ответственности за нарушение этих запретов. Изменение системы законодательства России, введение форм ответственности, предполагающих экономические наказания и более жесткое применение административно-правовых механизмов, позволяют разработать и предложить разумные и адекватные формы наказаний за нарушение закона. Такой подход к пониманию применения закона выглядит как естественное развитие принципов документного регулирования в условиях ослабления языковой нормы, все более частых нарушений, имеющих демонстративные,

циничные формы, игнорирования требований не только речевого поведения, но и этики, культуры.

Положение об использовании иностранных слов, «не имеющих общеупотребительных аналогов в русском языке», допустимо лишь как тема для бытового разговора между людьми, не обремененными более или менее системными знаниями, но не может рассматриваться как положение федерального закона. Если закон может оперировать рекомендательными формами изложения некоторых положений, то тогда все в порядке, однако рекомендательный характер текстовых положений необходимо маркировать. Если же речь идет о запрете, то возникает как минимум два вопроса. Во-первых, каковы регуляторы принятия решения? Во-вторых, что такое «общеупотребительный аналог в русском языке»? Неэффективность закона в этой части связана с попыткой вторжения в действие языковых системных механизмов и состоит в применении запретительных по своему содержанию действий без учета внутренних законов сложной знаковой системы. Столетиями в языке формируются и действуют внутренние регуляторы, которые дают возможность языку как саморегулирующейся системе принимать или отторгать иноязычные заимствования. Как быть с «общеупотребительными аналогами в русском языке», если они сами являются заимствованными единицами с ясными или размытыми следами заимствования (например, *газета, коррупция, администратор* и их производные)?

Текстовый фрагмент, представляющий пункт 7 статьи 1:

Обязательность использования государственного языка Российской Федерации не должна толковаться как отрицание или умаление права на пользование государственными языками республик, находящихся в составе Российской Федерации, и языками народов Российской Федерации, –

то ли из-за своей лаконичности, то ли из-за конструктивных особенностей фразы порождает некоторые неопределенности при его

интерпретации. Использование слова *обязательность* с учетом контекста статьи вызывает неоправданное напряжение в ситуациях правоприменения закона и при оценке речевого материала. Очевидно, что в этом фрагменте *обязательность* связывается исключительно с формальными требованиями официально-деловой коммуникации во всем ее многообразии. Указание на это обстоятельство в тексте документа является, скорее всего, необходимым, поскольку соответствует не только духу и букве самого закона, но и в логико-смысловом отношении тесно связано с продолжением высказывания, формирующего пункт статьи.

Нельзя не вернуться к одному из терминов, реализованных в тексте. Речь идет о термине *государственный язык республики*. Понятны внелингвистические основания использования здесь определителя «государственный», однако *amicus mihi Plato, sed magis amica veritas est*: либо мы говорим о существовании государственного языка России как многонационального государства, либо, подмигивая и многозначительно поднимая глаза вверх, ведем словесную игру, вводя самих себя в легкую лингвистическую шизофрению, совершенно не способствуя этими лингвистическими играми межнациональному единству страны, точности и выверенности государственных законов. Наряду с государственным языком, указываемым во всех энциклопедиях, справочниках, в атласах, в документах ООН, – русским, разумеется, – мы должны говорить о языках национальных субъектов Российской Федерации, при назывании коммуникативно-государственного статуса которых определитель «государственный» неточен, поскольку отражает неразбериху провоцирующих политических двусмысленностей и номинативных беспринципностей.

Поверхностность и легковесность в обращении с понятиями и явлениями, относящимися к лингво-коммуникативной сфере, иногда бывают отражением ложного представления авторов документного текста о собственном достаточном уровне компетентности

в той сфере, которая стала объектом законодательного регулирования. Только спешка, обусловленная внешними обстоятельствами, какие-то ситуативные государственные соображения высших порядков, торопившие авторов, могли создать условия для появления закона с явными признаками документной и содержательной уязвимости. Если параметры текста являются результатом юридической самонадеянности, граничившей с заносчивостью, что характерно для агрессивно-романтического стиля законотворчества конца 90-х – начала 2000 годов, то возникает единственный вопрос: что не успели сказать о тексте документа законодателям научные консультанты-филологи, участвовавшие, надо полагать, в процессе обсуждения и порождения текста закона...?

Статья 2 закона – «Законодательство Российской Федерации о государственном языке Российской Федерации», – которая является второй, вероятно, по причинам формального характера, с содержательной точки зрения должна быть первой, поскольку именно в ней названы законодательные, методологические и логико-смысловые основания исследуемого документа:

Законодательство Российской Федерации о государственном языке Российской Федерации основывается на Конституции Российской Федерации, общепризнанных принципах и нормах международного права, международных договорах Российской Федерации и состоит из настоящего Федерального закона, других федеральных законов, Закона Российской Федерации от 25 октября 1991 года № 1807-1 «О языках народов Российской Федерации» и иных нормативных правовых актов Российской Федерации, регулирующих проблемы языка.

В статье перечислены документы, включая Конституцию страны, формирующие аксиоматику закона. Почти все можно было бы принять в формулировке статьи, если бы не обескураживающая в своей методологической небрежности (возможно и иное оценочное суждение) завершающая формулировка: «... и иных норма-

тивных **правовых** актов Российской Федерации, **регулирующих проблемы языка**» (Выделено мной. – С. К.). Версия первая: перед нами крайне нежелательная, учитывая статус документа, речевая ошибка, отражающая, впрочем, представление авторов закона об «универсальности» правовых регуляторов. Вероятно, авторы все-таки имели в виду что-то вроде: «..., тексты которых вводят правовые оценки и квалификации лингвистических параметров современной коммуникации». Версия вторая: элементарная небрежность, вызванная спешкой, иными ситуативными обстоятельствами. Возможно ли такое в отношении текстов документов такого уровня – автор ответить не может. Версия третья, с точки зрения оценочного компонента самая печальная: искреннее заблуждение авторов закона, которые полагают, что проблемы языка как саморазвивающейся сложной знаковой системы и правила, регулирующие речевые акты, формы реализации языка со всеми их противоречиями, изменениями, ошибками, развитием и кризисами, могут регулироваться системой законодательных документов. При всем безусловном уважении к таким документам, формулировка, использованная в статье закона, напомнила известную реальную ситуацию в суде: один известный высококвалифицированный и модный (что не одно и то же) адвокат, аргументируя свое несогласие с выводами лингвистической экспертизы, сообщил суду, что он «тоже изучал в школе русский язык». Необходимо сказать следующее: несмотря на внешнюю нечеткость, неоднозначность и «гуманитарность» лингвистических явлений, лингвистика – наука вполне точная, определенная, имеющая собственные количественные и качественные законы, игнорировать которые при рассмотрении языковых явлений с позиций любой иной науки или практики недальновидно и малопродуктивно.

Не менее перспективны в качестве материала лингво-документного анализа и другие фрагменты документного текста, ставшего

предметом нашего внимания, однако их рассмотрение является следующим исследовательским этапом.

Источники и принятые сокращения

1. Закон «О государственных языках народов Удмуртской Республики». Принят Государственным Советом Удмуртской Республики 27 ноября 2001 года (в ред. Закона УР от 21.06.2010 г., № 26-РЗ) [Электронный ресурс] – Режим доступа : <http://www.minnac.ru/minnac/info/13993.html>.

2. ССРЛЯ – *Словарь* современного русского литературного языка : в 17 томах / АН СССР, Ин-т рус. яз.; редкол. : канд. филол. наук А. М. Бабкин, д-р филол. наук Ф. П. Филин (пред.) [и др.]. – Москва : Наука; Ленинград : Издательство АН ССР [Ленингр. отд-е], 1948–1965. – Т. 10 : По – Поясочек / ред. : К. А. Тимофеев, Н. М. Меделец. – 1960. – IV с., 1774 стлб.

3. ТСРЯ – Толковый словарь русского языка / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова. – 4-е изд., доп. – Москва : Азбуковник, 2001. – 944 с.

4. Федеральный закон Российской Федерации от 01 июня 2005 г. № 53-ФЗ «О государственном языке Российской Федерации» [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://ceur.ru/library/docs/federal_laws/item100547/.

Литература

1. *Борискин В. В.* Современный системный комплекс делопроизводства в сфере государственного управления и государственной гражданской службы Российской Федерации : учебное пособие / В. В. Борискин, Н. М. Поликарпова, С. Г. Тихомиров. – Санкт-Петербург : Кодекс, 2008. – 366 с.

2. *Кушнерук С. П.* Лингвистика документной коммуникации : теоретические аспекты / С. П. Кушнерук. – Волгоград : Волгоградское научное издательство, 2007. – 276 с.

© Кушнерук С. П., 2012

Russian law on State language as an object of linguistic-and-record analysis (Part 1)

S. Kushneruk

Linguistic-and-documents' related text's quality of Federal Law, oriented on definition and usage of the official language of the Russian State is under analysis. There are some evaluations of the record's text formal and substantial parameters. Controversial solid aspects and versions of the clauses' formulations are revealed and presented.

Key words: legislative record's text; official language of the State; quality of the legislative record's text; content of the law; language of the law.

Кушнерук Сергей Петрович, доктор филологических наук, профессор кафедры документной лингвистики и документоведения, Волгоградский государственный университет (Волгоград), sp_kushneruk@mail.ru.

Kushneruk, S., Doctor of Philology, professor, Department of Document Linguistics and Document Studies, Volgograd State University (Volgograd), sp_kushneruk@mail.ru.